

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.2>

Алимова Барият Магомедовна, Мусаева Майсарат Камиловна, Гимбатова Мадина Багавутдиновна
ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА КАК ОБЪЕКТ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Цель статьи - изучение жилища народов Дагестана как объекта духовной культуры, рассмотрение конструктивных составляющих и частично интерьера жилища, а также свойств, выходящих за рамки утилитарной прагматики. В основе работы лежат историко-сравнительный метод, метод включенного наблюдения, а также принцип историко-культурной реконструкции. Исследование жилища как объекта духовной культуры проводится в дагестанской этнографической науке впервые. Для горцев дом являлся не только местом для укрытия от непогоды, от врагов, но и своеобразным духовным миром, в котором формировались мироощущение и мировоззрение человека, проходила жизнь многих поколений. В доме складывались традиции - от архитектурных до социальных и философских.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/2.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 188-192. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ИСТОРИЯ

УДК 93/94; 391.4

Дата поступления рукописи: 16.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.2>

Цель статьи – изучение жилища народов Дагестана как объекта духовной культуры, рассмотрение конструктивных составляющих и частично интерьера жилища, а также свойств, выходящих за рамки утилитарной прагматики. В основе работы лежат историко-сравнительный метод, метод включенного наблюдения, а также принцип историко-культурной реконструкции. Исследование жилища как объекта духовной культуры проводится в дагестанской этнографической науке впервые. Для горцев дом являлся не только местом для укрытия от непогоды, от врагов, но и своеобразным духовным миром, в котором формировались мироощущение и мировоззрение человека, проходила жизнь многих поколений. В доме складывались традиции – от архитектурных до социальных и философских.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; материальная культура; жилище; очаг; центральный столб; порог дома; дагестанские народы.

Алимова Барият Магомедовна, д.и.н.

Мусаева Майсарат Камилловна, к.и.н.

Гимбатова Мадина Багавутдиновна, д.и.н.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра

Российской академии наук, г. Махачкала

alimova1937@list.ru; majsarat@yandex.ru; gimbatova@list.ru

ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА КАК ОБЪЕКТ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В последние три десятилетия наблюдается огромный интерес этнографов к изучению неутилитарных аспектов функционирования элементов материальной культуры: знаковости вещей, символического «языка» некоторых видов одежды, предметов интерьера и быта, конструктивных деталей жилища; информативной нагрузки (в ритуале, этикете, мифологии и т.д.), которую несут материальные объекты в нематериальном мире – в традиционной духовной культуре [1; 4; 9; 13; 15].

На всестороннее изучение объектов материальной культуры в свое время указывал крупный отечественный этнограф С. А. Токарев, который считал, что «материальная вещь не может интересовать этнографа вне ее социального бытования, вне ее отношения к человеку – тому, кто ее создал, и тому, кто ею пользуется» [12, с. 3-5]. Данное высказывание не потеряло своей актуальности и в настоящее время; именно традиционное жилище как объект материальной культуры отражает менталитет этноса, его эстетические вкусы и предпочтения, его историю. Причиной нашего научного интереса к данной проблеме стало то, что дагестанские этнографы не рассматривали жилище как социокультурное явление, а также в обрядах жизненного цикла, в магических приемах и религиозных представлениях, поверьях, приметах и др., и в этом плане данная статья является первым опытом подобного исследования. Таким образом, настоящая статья преследует цель рассмотреть традиционное жилище, его конструктивно-архитектурные решения, строительный материал, интерьер, т.е. объекты материальной культуры, сквозь призму духовной культуры народов Дагестана. Собственно традиционное жилище в горах Дагестана и способно продемонстрировать эту духовность в объектах материальной культуры. Скудность построек в горах Дагестана указывала не только на оборонительный фактор поселения, но и на сплоченность, коллективизм жителей гор, без которых в суровых природно-климатических условиях выжить было весьма сложно.

Изучение традиционного жилища народов Дагестана в этой ипостаси позволит не только сохранить наследие предков, но и глубже узнать историю своего народа. Кроме того, традиционное жилище становится своего рода визитной карточкой любого региона, этнотуризм, так широко сейчас практикуемый во всем мире, позволяет вызывать интерес к познанию истории горного края не только у приезжих туристов, но и у местных жителей. Интерес к жилищу народов Дагестана вызван, прежде всего, тем, что материальная культура народов Дагестана (а жилище является одним из ее элементов) не допускает промедления в изучении. Если элементы духовной культуры, даже не функционирующие, в быту не сохранившиеся, могут существовать пассивно, в памяти народа, в вербальной передаче, то предметы материальной культуры, из-за ветхости или потеряв свое функциональное значение, приходят в негодность, занимают место в сараях или просто физически исчезают. Так, например, ветхие традиционные жилища в горах и на плоскости не реставрируются, а разрушаются, а их месте воздвигается дома новой планировки из современных строительных материалов, уходят в прошлое горный камень и саманный кирпич; земляные и камышовые крыши, которые,

казалось бы, совсем недавно были заменены на шифер и железо, в настоящее время заменяются легкой кровлей (металлочерепицей, андулином); деревянные балки, столбы, оконные коробки, ставни окон, двери, карнизы, балконы, центральный столб – пластиковыми материалами и т.д. Такой процесс происходит повсеместно по всей стране, и любые изыскания в области изучения и фиксации исчезающих элементов материальной культуры считаем необходимыми и полезными.

Известно, что самые обычные вещи позволяют судить о цивилизационном уровне, культуре, технологии, социальных отношениях и идеологии, присущей тому или иному народу. Предметы, окружающие человека, – это своего рода опредмеченная культура общества, в некотором смысле показатель мировоззрения народа, они служат богатейшим источником информации, с их помощью представляется возможным достаточно полно восстановить в том числе и религиозно-мифологическую картину мира того или иного народа.

Жилище в системе традиционного мировосприятия – квинтэссенция пространства, организованного человеком с четкими функциями: охранять от вредоносных сил внешнего мира. Жилище связано с жизненной необходимостью – безопасностью существования, это один из ключевых символов культуры.

Во все времена «крыша над головой» давала человеку, особенно в горах, необходимое чувство безопасности и защищенности от внешнего, не всегда дружелюбно настроенного мира. В связи с этим многие дома в древности строились как непреступные крепости. В этом плане народы Дагестана не являлись исключением, одним из условий выбора места для постройки жилища на определенном отрезке истории как места обитания была его естественная укрепленность. Дома строили на краю обрывов, иногда врубались прямо в скалы, крепились друг к другу, образуя цепь с проходами и тоннелями [5, с. 188; 6; 7, с. 126; 8, с. 348]. Такие сложные структуры воспринимались путешественниками по горному Дагестану как результат изощренного пространственного мышления.

В доме всегда находился очаг, который создавал тепло. Кстати, самый древний очаг располагался в центре жилища.

Статус дома предполагает обязательное присутствие внутри него человека и огня в очаге. Связь с живым весьма существенна и значима для дома, он един с заключенной в нем жизнью: и человека, и огня. Неслучайно огню в очаге дома придавалось огромное значение. По народным представлениям, если в доме не живет человек («Не присутствует дух живого человека»), не зажигается огонь в очаге, дом ветшает с огромной скоростью, становится обиталищем пауков и разваливается. В дагестанском благопожелании: «Да не погаснет огонь в твоём доме!» – заключена большая смысловая нагрузка. Есть огонь – значит, есть человек в доме, семья, дети, тепло, уют, еда. По народным представлениям, никогда нельзя заливать огонь в очаге водой, плевать в огонь, пинать ногой очажный треножник, бросать в огонь состриженные ногти; клятва огнем в очаге священна («Да погаснет огонь в моём доме, если я...»). Клятва домом тоже священна («Да разрушится стена в моём доме!»; «Да обрушится потолок в моём доме!», «Да упадет центральный столб в моём доме!»).

Домашний очаг являлся основой благополучия семьи, о чем свидетельствует зафиксированное нами у ногайцев божество огня – Тамыз (Искра) – богиня, хранительница домашнего очага.

Тамыз оберегала семью от невзгод. В народе ее представляли маленькой женщиной в красном кафтане, танцующей в огне очага. В счастливых семьях Тамыз была молодой, красивой и веселой. В семьях, где был разлад, Тамыз выглядела старой, танец ее угасал, как домашний очаг [3, с. 128].

Огонь очага использовался и как магический инструмент очищения. Так, у ногайцев для очищения от болезни и грехов ходячих больных, а также людей невезучих и подозреваемых в грехах заставляли прыгать через разведенный костер. К огню подводили и человека, испытывавшего страх, считали, что огонь должен унести страх с собой.

Первая кровнородственная группа – это «люди одного дома, одного очага»; невестка, после свадьбы введенная в дом (пока для нее чужой), начинала свою жизнь в новом качестве – жены – с разведения костра в очаге, приобщаясь к новому дому. Подобное введение в семейный круг происходило и с гостем, посетившим дом первый раз, он становился «кунаком», почти родственником, и эти отношения распространялись на следующие поколения гостя. Согласно древним представлениям народов мира, в том числе и народов Дагестана, дом, домашнее тепло наделялись способностью превращать, трансформировать «не свое, чужое» в «свое» и становиться частью этого «своего». Сам дом и многое, что находилось внутри дома, в определенной степени одушевлялось. «В принципе любой культурный символ (т.е. искусственно созданный предмет) относится к миру человека и обозначает этот мир. Однако в каждой традиции существует набор предметов, которые используются в ритуале исключительно с этой целью в большей мере, чем остальные, воплощая идею “своего”. К их числу, как правило, относятся те предметы, которые помещаются в центре, внутри своего мира: в доме, в красном углу, у очага или в другом наиболее почитаемом (и наиболее внутреннем) месте. Это может быть сам очаг, приготовленный на нем хлеб, угли, сор и т.п.» [2, с. 85].

Таким образом, дом, будучи пространством, организованным человеком для собственного проживания, защиты от часто вредоносного внешнего мира, оказал существенное влияние на возникновение бинарного противопоставления: человеческий – нечеловеческий, одушевленный – неодушевленный, внутри – снаружи. Мир за пределами дома воспринимался как противопоставление комфортному, упорядоченному миру. Данный тезис подкрепляют наши полевые исследования, собранные в различных уголках Дагестана за последние пять лет. В частности, нами установлено, что у всех народов Дагестана было принято выходить из дома с покрытой головой, одетым и обутым, новорожденного до 40 дней следовало выводить только с куском хлеба, особенно в вечернее время, когда, по народным представлениям, активизировалась нечистая сила (джины, шайтаны), которая якобы могла нанести вред человеку, находящемуся вне своего жилища. Нельзя было оставлять на ночь за пределами дома выстиранную и развешанную во дворе для просушивания одежду, особенно детскую, «иначе нечисть вселится»; нельзя было вечером выносить за пределы помещения мусор, одалживать деньги и соль –

уйдет из дома достаток. Даже справляя нужду после захода солнца (как правило, вне дома), нужно было произносить специальную формулу-молитву, якобы связывавшую нечистую силу в темное время суток, человек должен был трижды сплюнуть: «Тьфу, тьфу, тьфу!» и произнести: «Ва Глазбиблаггин шайтаниб ражин!». Считалось, что, покидая «свой» дом и попадая во внешний мир («незнакомый, поэтому опасный, чужой мир»), человек в определенной степени лишался защиты, которую осуществляло его жилище. Конфигуративно жилище служило для человека универсальной точкой отсчета в пространстве, своеобразно отделяя его от внешнего мира. Из своего организованного пространства – дома – человек выходил во внешний, «чужой» мир, который, по его представлениям, в некоторых ситуациях мог ему навредить, и сюда же возвращался как в убежище. В его собственном, безопасном пространстве – доме – начинался жизненный цикл человека, начиналось и завершалось любое ритуальное действие. И неслучайно, что в этом смысле каждый человек видел в своем доме центр вселенной («мой дом – моя крепость, мое счастье, моя семья, мой достаток»). Возможно, именно этим можно объяснить наличие различных табу и высокую степень ритуализации действий, совершаемых перед выходом из дома и особенно отправлением в долгий путь. Нельзя было выходить, не позавтракав (говорили: «Надо связать шайтана: обязательно поев»), даже в месяц Рамадан, когда все мусульмане соблюдают строгий пост, идущему в далекий путь разрешено было не поститься. За выходящим из дома человеком, если он отправлялся с важной миссией или по серьезному делу, на удачу окропляли водой порог дома, а остальное оставляли до возвращения; за уходящим из дома в далекий путь человеком нельзя было подметать пол в течение суток, делать перестановку в доме, ранее трех суток менять интерьер и т.д.

Определенные поверья, связанные с домом и его порогом, существовали и у ногайцев, которые, в отличие от других народов Дагестана, являлись кочевниками-номадами, со своими этнокультурными традициями. Так, например, у ногайцев после выноса покойника было принято за порогом дома постучать по земле лезвием топора, как бы обрубая за ним концы, для предотвращения следующих смертей. Помимо этого, предпринимались различные меры предосторожности: не разрешалось выливать воду на порог дома, приветствовать на пороге дома, наступать на порог; ногайцы полагали, что здесь находился дом духов. Переступить порог нового дома следовало с хлебом, маслом, солью, чаем. Эти продукты должны были принести достаток в новый дом.

Практически у всех народов Дагестана существовала традиция: вводя невесту в дом к жениху в качестве жены, оставлять отпечаток ее руки, предварительно погруженной в чашку с медом, маслом и мукой, на прилолке над дверью как символ, оберегающий дом и вновь созданную семью от материальных проблем.

Особенно уязвимыми перед вредоносными силами внешнего мира считались беременная женщина и дети. По этой причине беременной женщине не рекомендовалось на поздних сроках (когда уже был замечен живот) выходить из дома, а если все-таки была такая необходимость, она должна была, выходя, обратиться к всевышнему с просьбой, чтобы он охранял ее и будущего ребенка в течение дня от дурного глаза, а у лезгин и от «чилла» (особой вредоносной силы, которая может подействовать именно на беременных и ослабленных людей). Детей старались не выводить из дома без амулетов и различных оберегов, пришитых к одежде в области груди (у девочек) и на спине, плече (у мальчиков).

С жилищем и его конструктивными частями связано и множество представлений и поверий. Неслучайно перед началом строительства дома следовало окропить четыре угла будущего фундамента кровью жертвенного барана. Эта традиция у большинства народов Дагестана сохраняется по сей день. У некоторых народов горного Дагестана было принято в один из углов фундамента закапывать серебряную монету, которая якобы принесет достаток в новый дом. Нами также установлено, что у аварцев было принято закапывать очажный треножник в одном из углов фундамента. В селении Ругуджа Гунибского района наши информаторы рассказывали как было, что один очень богатый человек по имени Малла Хаджи в фундамент своего дома зарыл золотой треножник. Дом большой и красивый. Не раз предпринимались попытки найти треножник. Но для этого пришлось бы разрушить дом. Его правнуки, которые уже живут в городе, ждут, когда дом разрушится сам по себе от времени, чтобы отыскать этот треножник.

Особо почитаемым и сакральным в доме являлся центральный столб. На деревянные гвозди, вбитые в него, можно было вешать только атрибуты мужской принадлежности: кинжал, бурку, папаху. Только покрывало хозяйки дома, принесенное с кладбища после ее похорон, разрешалось вешать из женских предметов и только 7 дней. В Дагестане, когда рождался мальчик, говорили: «Родился “столб дома”», а когда девочка – «камень в чужой стене». Название столба, например у аварцев, подсказывает нам до некоторой степени причины такого уважения к нему: «кьолбол хЎби» («столб корня»), «кьочЮл хЎби» («столб фундамента»). Часто кровнородственную группу, которая произошла от одного предка, в аварском языке называли «кьибил» – «корень» (от одного корня происходящие).

Являясь средоточием «своего», родного, дом противопоставлялся мифологически ориентированным со знанием внешней, «той» чужой стороне, природе. А. К. Байбурин отмечает: «В самом общем смысле область освоенного – это область правил, запретов и предписаний» [1, с. 18].

Дом – это «свое», освоенное пространство, что подтверждают народные поверья, регламентировавшие действия человека в этом пространстве. Вот некоторые из них, которые нам удалось зафиксировать во время полевых экспедиционных работ по Дагестану. Так, после захода солнца в доме нельзя подметать (можно случайно задеть и обидеть добрых духов или разозлить злых, они нашьют болезнь); нельзя сидеть в углу (занимаешь место нечистой силы, разозлится); с наступлением темноты нельзя выносить мусор, свистеть (уйдет благоденствие (баракат) из дома); частые ссоры в доме, крики и потасовки якобы приводили к тому, что из дома уходил домовый, охранявший достаток в доме. Далее, старались не заносить или не запускать в дом все, что так или иначе связано с «нечистым» – мусульманам нельзя запускать в жилище собаку, свинью (по представлениям, это нечистые животные). После прихода с похорон следовало обязательно, еще не заходя в дом, помыть руки

и лицо: считали, что дух умершего мог к нему случайно «прилепиться» и войти в дом. Те же предписания следовало соблюдать, если человек навещал тяжело больного – в дом может войти частица немощи больного и кому-либо из домочадцев навредить. Если похороны случались в доме, бурку (если умер мужчина), ковер или покрывало (если умерла женщина), которыми перед выносом на кладбище накрывали тело, вешали на три дня, не занося в комнату, на дверь комнаты. Если дом был с верандой, то на один из столбов на веранде.

По народным представлениям, смерть и рождение – это ситуации определенного порядка, когда в дом вносили «чужое» и выносили «свое». Так, во время похорон вносили похоронные носилки («чужое»), выносили тело (хозяина, хозяйку, домочадца) («свое»); во время родов вносили сено для подстилки («чужое», не домашнее), выносили послед, выливали околоплодную воду («свое»).

Есть предположение, что в очень далеком прошлом и у дагестанских народов как у соседних народов Кавказа женщина рожала в каком-либо нежилом помещении (в хлеву, специально подготовленном месте) [10, с. 125; 11, с. 40; 14, с. 169], поскольку считалось, что в момент родов женщина максимально приближалась к «тому» свету, «не своему месту». Надо было соблюдать принцип недопустимости пока еще «постороннего» в «своем доме». Возможно, по этой причине рожать ребенка в поле, которое априори принадлежит природе, в страдную пору было почти естественным явлением.

Большое значение придавали и снам, связанным с домом. Так, например, увидеть во сне развалившийся дом – к смерти хозяина; увидеть во сне льющуюся с потолка дома по стенам грязную воду – к материальным проблемам, чистую – к прибыли; залитый грязной водой пол – к болезни кого-то из домочадцев; чистой – к слезам, незначительным проблемам.

Вещи, использовавшиеся в интерьере, также наделялись определенными свойствами и символическими знаковыми смыслами.

Дом не мог существовать без человека (как и наоборот), без своих обитателей он терял статус. В символической классификации пространства покинутые дома обладают отрицательной семантикой, негативной энергетикой. Считается, что нежилой, даже сравнительно недавно построенный дом ветшает, поскольку в нем нет «живого духа», там якобы поселяются нечистая сила и пауки; «даже домовые его покидают». Заброшенный дом ассоциировался со смертью, бедствием. Заброшенный дом ассоциировался с деревом, которому обрубили корни: он, как и дерево, которое не держат корни, должен был обрушиться. Покинутый, безжизненный дом не соответствовал, по представлениям, своему естественному предназначению – защите жизни человека. В народном представлении, более предпочтительным считается сон на кладбище у могилы, нежели в нежилом, покинутом доме. По некоторым представлениям, ночь, проведенная в заброшенном (мертвом) доме, без разведенного огня, может обессилить путника.

Оживить покинутый дом можно было, но первое, что должен был сделать желающий поселиться в доме, – восстановить очаг и разжечь огонь до сумерек. Как говорили: «Вдохнуть жизнь в дом». И только после этого он мог начать убираться в доме.

Символические, знаковые функции и значения элементов материальной культуры, проявляющиеся в обрядовых контекстах (в сфере духовной культуры), как правило, неслучайны. Одним из наиболее часто применяемых принципов символизации оказывается наделение предмета особым, умоглядным значением и признаком не только по его утилитарному назначению или действию, но и по его внешнему виду; его пространственному расположению; его качественной характеристике; способу его изготовления, времени изготовления и т.д. В принципе любой признак предмета, любое его свойство могут демонстрировать его знаковое функционирование, могут стать основанием для его символизации. При этом нередко один и тот же признак может определять несколько символических значений.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что предметный и опредмеченный мир представлял собой систему, отражающую мифопоэтические представления народа: любую деталь в конструкции жилища, в интерьере комнат можно рассматривать не только как объект «опредмеченной» культуры, но и как объект, имеющий смысловую нагрузку, объект духовной культуры. В некотором смысле «живой» объект, со всеми присущими им характеристиками. При этом семантическая нагрузка одной и той же вещи может быть различной в зависимости от ситуации и, соответственно, приводить к многообразию ритуальных функций, выполняемых ею. Современные технологии и производственная деятельность человека ориентированы на покорение внешнего мира, а традиционная, особенно архаичная культура, старалась дружить с природой и «внешним» миром, одушевляя их, сотрудничала с ними, стараясь не вредить, пытаясь достигнуть взаимовыгодных результатов.

Дом в жизни человека являлся не только убежищем от непогоды и местом для ночлега, но и своеобразной крепостью, в которой формировались и крепились его духовно-нравственные силы, создавались семьи и укреплялись кровнородственные узы, защищавшие его от представлявшего опасность внешнего мира.

Дом, его порог и углы, очаг и центральный столб несли огромную духовную нагрузку, связывали целые поколения, являясь своеобразным гарантом стабильности и благополучия в семье, хранителями традиций предков, тем самым обеспечивали неразрывную связь времен и преемственность поколений.

Список источников

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.
2. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. С. 63-88.
3. Гимбагова М. Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX века. Махачкала: Эпоха, 2005. 188 с.
4. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам / ред. Ю. М. Лотман. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1987. С. 10-21.

5. Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа // Советская этнография. 1946. № 4. С. 186-190.
6. Мовчан Г. Я. О типологии жилища народов Нагорного Дагестана // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1948. Вып. IV. С. 41-42.
7. Мовчан Г. Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник. 1972. № 5. С. 119-149.
8. Мовчан Г. Я. Старый аварский дом (в горах Дагестана и его судьба). М.: ДМК Пресс, 2001. 528 с.
9. Мусаева М. К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана: панорамный обзор. Махачкала: Народы Дагестана, 2003. 128 с.
10. Соловьева Л. Т. Грузия. Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995. 130 с.
11. Соловьева Л. Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. Н. Г. Волкова, В. К. Гарданов. М.: Наука, 1984. Вып. VIII. С. 167-185.
12. Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3-16.
13. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. С. 89-101.
14. Хасбулатова З. И., Мусаева М. К. Некоторые традиционные обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2012. № 4. С. 35-42.
15. Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сборник научных трудов. Л.: Наука, 1989. 304 с.

DAGESTAN PEOPLES' DWELLING AS AN OBJECT OF SPIRITUAL CULTURE

Alimova Bariyat Magomedovna, Doctor in History

Musaeva Maysarat Kamilovna, Ph. D. in History

Gimbatova Madina Bagavutdinovna, Doctor in History

Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Centre

of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala

alimova1937@list.ru; majsarat@yandex.ru; gimbatova@list.ru

The article aims to investigate Dagestan peoples' dwelling as an object of spiritual culture, to examine the dwelling constructive elements, interior and the features, which go beyond utilitarian pragmatics. The study is based on the historical-comparative method, the participant observation method and the principle of historical-cultural reconstruction. For the first time in Dagestan ethnographical science the dwelling is investigated as an object of spiritual culture. For the mountaineers the house was not only a place to protect them from ugly weather and enemies but a kind of spiritual world, in which an individual's world vision and world perception were formed, the life of many generations was passing by. In the dwelling national traditions were formed, from architectural to social and philosophical ones.

Key words and phrases: Dagestan; material culture; dwelling; fireplace; central pillar; threshold; Dagestan peoples.

УДК 93/94; 316.485.26

Дата поступления рукописи: 12.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.3>

В статье представлен историографический обзор научных работ, посвященных истории деятельности советских правоохранительных органов в Советской Литве периода 1940-1945 гг. Авторами осуществлен анализ содержания публикаций по данной теме как отечественных, так и зарубежных специалистов. Проведенное исследование дает основание утверждать то, что ряд аспектов истории Литвы 1940-1945 гг., таких как вхождение Литвы в состав Советского Союза в июне 1940 г., ее нацистская оккупация в июне 1941 г., коллаборационизм литовских националистов, остаётся актуальным и требует дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова и фразы: Советская Литва; правоохранительные органы СССР; литовское националистическое подполье; современная историография; фальсификация.

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор

Тамбовский государственный технический университет

vladyka62@mail.ru

Чемоданов Александр Николаевич

Московское высшее общевойсковое командное училище

Тамбовский государственный технический университет

anch-77@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СССР В СОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ В 1940-1945 ГГ.

Актуальность историографического анализа истории деятельности советских правоохранительных органов в Литве в 1940-1945 гг. обусловлена попытками искажения литовской истории этого периода, явно выраженным